

**Д. А. Попыванов**

Научный руководитель: А. Н. Крутолевич, канд. психол. наук, доцент  
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,  
г. Гомель, Республика Беларусь

## **ОБСЕССИВНЫЙ НЕВРОЗ В РАБОТАХ ЗИГМУНДА ФРЕЙДА**

*В статье описаны представления Зигмунда Фрейда о неврозе навязчивых состояний на первых этапах становления психоаналитического направления, проанализированы его статьи, касающиеся обсессивного невроза, показан его вклад в развитие идей о расстройстве, которое сейчас называется ОКР.*

*Ключевые слова: психоанализ, ОКР, обсессивный невроз, невроз навязчивых состояний, Зигмунд Фрейд, случай Крысина.*

## **OBSESSIVE NEUROSIS IN THE WORKS OF SIGMUND FREUD**

**D. A. Popuvanov**

Scientific supervisor: A. N. Krutolevich, PhD in Psychological Sciences, Ass. Professor  
Francisk Skorina Gomel State University,  
Gomel, Republic of Belarus

*The article covers Sigmund Freud's understanding of compulsion neurosis in the early development of psychoanalysis, analyses his articles related to obsessive neurosis, shows his contribution to growth and evolution of psychoanalytical ideas about the disorder which we now call OCD.*

*Keywords: psychoanalysis, OCD, obsessive neurosis, compulsion neurosis, Sigmund Freud, The case of Rat Man.*

С момента появления первого своего определения в 1877 году, обсессивно-компульсивное расстройство активно изучается психологами и психиатрами многих направлений на протяжении почти 150 лет. Однако особенно заметную роль оно сыграло в развитии психоанализа. Некоторые исследователи (например, Пьер-Генри Кастель, 2011) утверждают, что именно невроз навязчивых состояний стал причиной основания фундаментальных психоаналитических концепций и, в частности, представления о психическом аппарате как о подразделении психики на Ид, Эго и Супер-Эго [1, 2].

Психоаналитические представления о неврозе навязчивых состояний резко отличаются от подхода специалистов когнитивной психологии, бихевиоризма и других направлений. Глубинная психология не сосредоточена на описании симптомов расстройства или их органических предпосылок. За невротическим поведением она всегда ищет некий смысл: конфликт или вытесненное переживание. Описание психоаналитическом случая невроза навязчивости часто похоже на художественное произведение, где внутри главного героя противостоят любовь и ненависть, гордость и чувство вины.

Итак, З.Фрейд в первый раз упоминает о навязчивых идеях (обсессиях) еще в 1895 году («Обсессии и фобии»). Он выделяет специфические проявления таких идей из неврастении, однако на тот момент не занимается изучением непосредственно невроза навязчивости [3].

История непосредственного изучения невроза навязчивых состояний в раннем психоанализе начинается с 1907 года, когда З. Фрейд публикует свою статью «Навязчивые действия и религиозные отправления» [4, с. 11–22]. В ней автор объясняет защитное действие как защиту, которая не дает осуществиться бессознательному влечению или же защищает человека от последствий его осуществления. Также, что видно из названия,

З. Фрейд проводит параллель между церемониалом невротика и глубоко религиозного человека. Он приводит следующие их сходства: терзания совести при невыполнении ритуалов, полная изоляция ритуалов от остального поведения, добросовестность исполнения действий вплоть до малейших деталей и чувство вины при невыполнении церемониала. На основании этих выводов он заключает: «Невроз навязчивости следует понимать как патологический эквивалент религиозного образования, невроз – как индивидуальную религиозность, а религию как всеобщий невроз навязчивости».

Еще одна важная деталь, которую З. Фрейд подчеркивает в этой работе, заключается в следующем: навязчивые действия «выполняют условие компромисса между борющимися между собой душевными силами». То есть они одновременно служат и вытесненному влечению, и вытесняющим его инстанциям.

Как видно из приведенного выше материала, невроз навязчивых состояний играл большую роль в развитии психоанализа с самого зарождения последнего, однако по-настоящему большую популярность он приобрел в 1908 году, когда З. Фрейд представил на конгрессе в Зальцбурге знаменитый случай Крысина («Заметки о случае невроза навязчивости») [4, с. 31–104]. Эта история болезни считается одним из пяти основных клинических случаев практики З. Фрейда и серьезно повлияла на становление его понимания невроза навязчивостей.

Итак, пациент З. Фрейда, получивший псевдоним «Крысин» страдает от obsессий, выражающихся в опасениях, что «с двумя людьми, которых он очень любит, с отцом и некой дамой, которую он почитает, может что-то случиться», и различных компульсивных действий, которые будут упомянуты далее. В течение психоанализа он рассказывает З. Фрейду о ситуациях в своей жизни, где особенно ярко проявил себя его невроз.

Самым известным из них является пример с небольшим долгом в 3,80 кроны, который пациент тщетно пытался отдать некому обер-лейтенанту А., хотя с самого начала знал, что на самом деле должен не ему, а почтовой служащей, внесшей за него взнос за посылку. Анализ этого случая интересен сам по себе, ведь в его ходе обнаруживается и идентификация пациента со своим отцом, и особенная «крысиная» валюта, которую ввел пациент для описания отцовского наследства.

Однако в этом примере нас интересует не происхождение отдельных образов и идентификаций, а формирование навязчивой идеи вернуть деньги человеку, которому он заведомо ничего не должен.

Итак, Крысина попросили вернуть долг обер-лейтенанту А., однако он уже знал, что ничего не должен этому человеку, и язвительно подумал «Да, я верну деньги А., когда у моего отца и моей возлюбленной появятся дети» (идея с детьми происходит из того факта, что его возлюбленная не может иметь детей (невыполнимое условие), образ отца лишь усиливает абсурдность этой клятвы, ведь отец пациента давно умер). З. Фрейд приводит множество аргументов, почему эта формулировка составлена именно таким образом, однако эти подробности можно опустить. Смысл этого обещания для появления навязчивой идеи заключается в следующем: пациент язвительно выразился, оскорбил двух самых дорогих для него людей, совершил «преступление» и теперь заслуживает «наказания», которое как раз и заключается в клятве «Теперь ты действительно должен вернуть деньги А».

Как видно из этого примера, obsессия не появляется сама по себе, она является настоящим наказанием за проступок, фантазию или язвительное замечание о дорогом человеке. А также она может быть защитной мерой, «санкцией», которая не дает пациенту осуществить некую фантазию. Впрочем, в работе «Навязчивые действия и религиозные отправления», которая была рассмотрена выше, З. Фрейд упоминает, что такая защита возвращает часть удовольствия от изначальной фантазии, а навязчивое действие, которое она порождает, со временем само по виду приближается к содержанию вытесняемого влечения.

Таким образом, на примере Крысина в этой работе выявлена одна из главных особенностей понимания навязчивой идеи, а вслед за ней и навязчивого действия, в психоанализе: они не первичны, а являются ответом на заведомо предосудительное влечение или фантазию.

Однако возникает вопрос: почему наказание страдающего неврозом навязчивости чаще всего крайне велико и несоизмеримо с причиной, его вызвавшей? Крысин, как и многие невротики, часто себя упрекает и относится к себе как к преступнику. Описывая его случай, З. Фрейд называет подобную связь «преступления и наказания» мезальянсом между содержанием представления и аффектом, причем замечает, что аффект (упрек себя, сознание вины и т. п.) отнюдь не преувеличен, а просто относится к бессознательному содержанию, связь с которым установить невозможно. Поэтому аффект ошибочно связывается с имеющимся сознательным содержанием, которое хотя бы немного для этого подходит. Отсюда следует, что логические доводы в работе со страдающими обсессивным неврозом неэффективны. Нет смысла объяснять пациенту, что его чувство вины преувеличено по отношению к причине, казалось бы, его вызвавшей, если заранее известно, что настоящая причина лежит в бессознательном и на данный момент недоступна ни пациенту, ни терапевту.

Таким образом, была описана следующая важная особенность в понимании психоаналитиками развития обсессивного невроза, а З. Фрейд, объяснив эту идею Крысину, подготовил его к рассказу о сферах сознательного и бессознательного и их влиянии на жизнь пациента, что значительно ускорило ход анализа на последующих сеансах.

Случай Крысина содержит еще один занимательный пример, относящийся к теме навязчивых действий. Однажды он споткнулся о камень на дороге, по которой в этот день должна была проехать его возлюбленная. У него возникла идея, что ее карета может получить повреждения, наехав на этот камень, поэтому он поспешил убрать его с дороги. «Но через несколько минут его осенило, что это – бессмыслица», поэтому он вернулся и положил камень на его изначальное место. З. Фрейд заявляет, что второе действие пациента – не критический отказ от болезненного поступка, а лишь рационализация, призванная скрыть настоящий мотив этого поступка: Крысин вернул камень на место, чтобы карета все-таки наехала на него, а его возлюбленная пострадала.

Однако в чем смысл таких противоречивых действий? Почему пациент хотел причинить вред человеку, в которого так влюблен? З. Фрейд объясняет это ненавистью, которая возникла у Крысина к его возлюбленной из-за их непростых отношений. Он подчеркивает, что любовь не сменилась ненавистью, они существуют одновременно и заставляют пациента выполнять противоречивые действия, подобные случаю с камнем на дороге. Таким образом, подобные, двувременные, как их называет З. Фрейд, навязчивые действия выражают конфликт двух примерно равных по силе противоположных побуждений. Автор предполагает, что в большинстве случаев такими побуждениями являются именно любовь и ненависть. Это не единственный случай проявления этого конфликта у Крысина. Например, в один из периодов своей жизни он был крайне набожным человеком, но его молитвы могли занимать вплоть до полутора часов, потому что что-то постоянно вмешивалось в них и превращало их в полную противоположность. Так, вместо «Боже, храни его» у него часто получалось «Боже, не храни его», что, конечно же, заставляло Крысина начинать молитву заново.

Итак, нетрудно догадаться, что у истоков невроза в психоаналитической теории стоит некий конфликт, однако для З. Фрейда было важным открытием, что конфликт этот разворачивается именно между любовью и ненавистью, причем первая пациентом осознается, а вторая остается в области бессознательного.

В заключение анализа Крысина З. Фрейд выдвигает еще одну интересную идею. Он говорит о том, что пациент как бы распался на три личности: «на бессознательную и на две предсознательные, между которыми могло колебаться его сознание».

Бессознательная его часть, закономерно, состояла из вытесненных в раннем детстве побуждений, мрачных и недобрых. Что касается предсознательных личностей, одна из них была веселой и жизнерадостной (ее он предьявлял людям при первом знакомстве, она служила ему «маской»), а вторая являлась непосредственно воплощением невроза и состояла из реактивных образований, отвечающих на вытесненные желания пациента и защищающие его от них. З. Фрейд предполагает, что со временем обсессивная личность истощила бы нормальную, однако психоанализ, по свидетельству З. Фрейда, оказался эффективным, невроз отступил, а пациент прожил еще 10 лет и был убит в ходе Первой мировой войны.

«Заметки о случае невроза навязчивости» позволяют изучить представления об обсессивном неврозе в раннем психоанализе. На их основании можно выделить основные идеи, высказанные З. Фрейдом по этой теме, что в свою очередь позволяет проследить их развитие у других психоаналитиков и сравнить их с материалом современного психоанализа.

Помимо этой работы З. Фрейда, неврозу навязчивых состояний посвящены и другие. Одной из примечательных его статей является «Предрасположение к неврозу навязчивости» (1913) [4, с. 105–118]. На момент ее написания автор обладал достаточным опытом лечения различных неврозов, в основном истерии и невроза навязчивых состояний. Анализируя свой опыт, З. Фрейд задается вопросом, почему же каждый отдельно взятый больной выбирает тот или иной невроз. Автор связывает выбор невроза сначала с активностью (ведущей к развитию обсессивного невроза) или пассивностью (ведущей к развитию истерии) в инфантильном переживании. Однако эта теория оказывается несостоятельно, и З. Фрейд вынужден искать другую. В ходе поисков объяснения, которое укладывалось бы в концепцию психоанализа и могло бы быть доказано эмпирическим материалом, он связывает выбор невроза с фиксациями либидо на определенных стадиях психосексуального развития человека. Понятия фиксации и регресса станут классическими для психоанализа и через 2 года войдут в знаменитые лекции З. Фрейда, а в будущем станут предметом изучения множества ученых, включая его дочь, А. Фрейд, которая в своих трудах подробно объяснит происхождение фиксаций и их влияние на развитие неврозов.

Именно в «Предрасположении к неврозу навязчивости» З. Фрейд сформулировал предположение об анально-садистской природе обсессивного невроза, что в свою очередь сочетается с представлением о навязчивом действии как защите от некоторого предосудительного импульса, которое З. Фрейд выдвинул еще за 5 лет до публикации этой статьи.

Автор подтверждает собственное предположение, описывая случай невроза навязчивости, заключавшегося в «мучительном навязчивом умывании», который может быть объяснен с помощью новой теории, то есть противодействием пациентки собственным садистским импульсам.

Последняя работа З. Фрейда, которую стоит упомянуть, называется «Мифологическая параллель к одному пластичному навязчивому представлению» (1916) [4, с. 119–122]. Это короткая статья, написанная позже всех вышеупомянутых. Она описывает случай 21-летнего пациента, который страдал не только от навязчивых мыслей, но и от навязчивых образов. Причем механизм формирования этих образов крайне похож на закономерности, описанные К. Г. Юнгом, в области коллективного бессознательного [5]. На момент написания статьи ученые общались уже 9 лет, поэтому не исключено, что взгляды К. Юнга повлияли на трактовку обсессивного невроза З. Фрейдом.

Таким образом, роль трудов З. Фрейда в описании обсессивного невроза нельзя недооценить: он заложил представление о навязчивом действии как защите, связал сам невроз с анальной фазой психосексуального развития, подчеркнул важность конфликта в его развитии и описал значительное количество случаев невроза навязчивостей.

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Castel, P. H. Ames scrupuleuses, vies d'angoisse, tristes obsédés. Obsessions et contrainte intérieure de l'antiquité à Freud / P. H. Castel – Paris: Ithaque, 2011. – 455 p.
- 2 Brum, S. Obsessive neurosis: the construction of psychoneurosis / S. Brum // Tempo Psicanalitico. – 2021. – № 1. – P. 30–57.
- 3 Фрейд, З. Обсессии и фобии. Их психический механизм и этиология / З. Фрейд – Ижевск: Ergo, 2016. – 37 с.
- 4 Фрейд, З. Навязчивость, паранойя и перверсия / З. Фрейд – М. : ООО «Фирма СТД», 2006. – 336 с.
- 5 Юнг, К. Г. Очерки по психологии бессознательного / К. Г. Юнг – М. : Когито-Центр, 2013. – 352 с.

### **А. Н. Редюк**

Научный руководитель: А. Н. Крутолевич, канд. психол. наук, доцент  
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,  
г. Гомель, Республика Беларусь

## **СЕЛФХАРМ КАК АУТОНАСИЛИЕ И АДАПТИВНЫЙ СПОСОБ САМОПОМОЩИ И САМОРЕГУЛЯЦИИ**

*В статье дано определение понятию «селфхарм» как достаточно распространенному среди подростков и молодых людей несуйцидальному самоповреждающему поведению. Селфхарм может являться как признаком психических расстройств, так и быть присущ относительно здоровым личностям в эмоционально сложные периоды из жизни. Приводятся факторы риска, значимые диагностические критерии селфхарма согласно классификации DSM-5, причины и механизмы возникновения.*

*Ключевые слова: селфхарм, несуйцидальное самоповреждающее поведение, суицид, суйцидальное поведение, аффективный суицид, парсуицид, аутонасилие, самопомощь, саморегуляция.*

### **A. N. Redyuk**

Scientific supervisor: A. N. Krutolevich, PhD in Psychological Sciences, Ass. Professor  
Francisk Skorina Gomel State University,  
Gomel, Republic of Belarus

## **SELFHARM AS AN AUTO-VIOLENCE AND ADAPTIVE WAY OF SELF-HELP AND SELF-REGULATION**

*The article defines the concept of “self-harm” as a fairly common non-suicidal self-harming behavior among adolescents and young people. Self-harm can be both a sign of mental disorders, and be inherent in relatively healthy individuals during emotionally difficult periods of life. Risk factors, significant diagnostic criteria for self-harm in accordance with the DSM-5 classification, causes and mechanisms of occurrence, as well as risk factors are given.*

*Keywords: self-harm, non-suicidal self-harming behavior, suicide, suicidal behavior, affective suicide, parsuicide, auto-violence, self-help, self-regulation.*

По данным ВОЗ селфхарм как проявление насилия по отношению к себе практикует около 4 % мирового населения. Причиной, запускающей самоповреждающее поведение, вне зависимости от возраста и пола является эмоциональная дисрегуляция